

«*ARCHEOLOGIA*», *Rocznik Polskiego towarzystwa archeologicznego*, Wrocław, т. I, 1947, 378 стр.; т. II, 1948, 510 стр.

Польский ежегодник «Археология», редактируемый К. Маевским, является ярким показателем тех исторических сдвигов, которые происходят в польской культуре и науке со времени освобождения Польши от ига гитлеровского фашизма. На протяжении трех десятилетий польский народ вот уже второй раз, благодаря поддержке народов СССР, по инициативе Левина и Сталина, получает независимость и возможность свободного развития своей культуры. Однако, если в 1918 г. польской буржуазии удалось обмануть народные массы и Польша была ею фактически превращена в колонию сначала англо-французского, а затем и немецкого империализма, а польскому народу отводилась роль пушечного мяса в антисоветских планах разных черчиллей и гитлеров, то совсем по иному историческому пути пошло развитие Польши с 1944 г., когда народные массы благодаря историческим победам Советской Армии взяли управление страной в свои руки и начали строить народно-демократическую Польшу. Польский народ в упорном труде, залечивая раны, нанесенные ему пятилетней фашистской оккупацией, успешно строит основы социализма. Растет и развивается новая народная польская культура, используя богатейший опыт социалистического строительства СССР.

Не малого добились за истекшее пятилетие и польские археологи и историки. Во всех университетах были восстановлены довоенные кафедры и институты археологии и древней истории. Впервые введено преподавание доисторической археологии в третьих классах народных школ. Наряду с возобновлением старых журналов возникли солидные новые журналы, посвященные археологии и древней истории. Наконец, впервые в истории Польши создано общепольское археологическое общество.

На фоне общего культурного подъема особенно поразительны успехи, достигнутые польскими учеными на территории воссоединенных западных польских земель. В этом отношении ярким примером может служить сам рецензируемый журнал. В момент освобождения Вроцлава (раньше Бреславль) в городе остались только развалины. Здание университета было разрушено, не было ни литературы, ни учебных пособий, хотя бы даже на немецком языке. Но вот уже два года спустя, в 1947 г., вышел в свет прекрасно изданный и оформленный том «Археологии», орган местного Польского археологического общества, которое в следующем году выросло в общегосударственное объединение польских археологов. На протяжении всего лишь одного 1947 г. вдвое выросло количество студентов Вроцлавского университета; соответственно увеличивается и расширяется материальная база обучения: число книг, пособий и т. д. и т. п. Нельзя не приветствовать и не порадоваться успехам ученых новой народно-демократической Польши. К сожалению, мы еще не располагаем третьим томом «Археологии», за 1949 г., но не подлежит сомнению, что в прошлом году польские археологи и историки древнего мира добились дальнейших успехов.

* * *

Рецензируемые два тома состоят из следующих отделов: I. Статьи, II. *Miscellanea*, III. Критика, отчеты и сообщения, IV. Библиография, V. Хроника, VI. Некрологи. В конце каждого номера дано краткое резюме статей на французском языке. Кроме того, ко второму тому приложен список индивидуальных и коллективных членов Польского археологического общества. В первом томе отделы статей и *miscellanea* охватывают значительно больше половины всего материала (212 страниц из 378), что вызвало критические замечания Государственного института книги (см. II, 382—384)¹. Повидимому, в связи с этими замечаниями во втором томе оба указанных отдела были немного уменьшены, несмотря на значительное увеличение общего объема тома

¹ Ссылки на рецензируемый журнал даются в дальнейшем без названия, том обозначается римскими, страницы — арабскими цифрами.

(198 страниц из 510). Следует признать, что второй том в связи с этим изменением действительно выиграл, статьи в нем значительно короче [кроме одной из статей Б. Билиньского на 74 (sic!) страницах] и интереснее, чем в первом томе.

Отдел критики и отчетов, имеющий исключительное значение, особенно в условиях стран народной демократии, где предстоит весьма значительная работа как по критическому пересмотру наследия старой буржуазной науки, так и по борьбе с реакционной идеологией современных англо-американских археологов, имеет подчеркнuto информационный, объективистский, почти аполитичный облик. Повидимому, это объясняется прежде всего желанием дать максимальное количество сообщений о значительной книжной продукции, появившейся за последнее десятилетие во всех странах. Такое стремление вполне понятно и оправдано, особенно в Польше, где за тяжелые годы немецкой оккупации вообще прекратилась какая-либо научная деятельность и надо поскорее наверстать упущенное. Существуют, несомненно, и трудности организационного порядка, так как критические рецензии требуют значительно больше места, знаний и умения, чем обычная информация. Все же эти обстоятельства ни в коей мере не снимают с журнала важнейшей политической обязанности не только информировать, но и воспитывать своих читателей. Особенно этот упрек относится к столь солидному и авторитетному журналу, как «Археология». Между тем отдел критики, самый слабый во всем журнале, нуждается в коренной перестройке. Ее следовало бы начать уже с пазвания отдела. Польское «осецу» не совсем соответствует ни нашему «критика», ни французскому «Critiques», как это слово переводит сама редакция. Настоящей критики в журнале до сих пор еще нет.

В отделе библиографии печатается весьма ценный список статей польских археологов за военные и послевоенные годы. К сожалению, из-за ведомственных споров с другим польским журналом «Przegląd Archeologiczny» («Археологическое обозрение») оба журнала печатают почти одинаковые списки, лишая, таким образом, читателей возможности получить дополнительный свежий материал. В обоих томах рецензируемого журнала библиография занимает свыше 30 страниц.

Хорошо поставлена в «Археологии» хроника. Очень кратко, но всегда содержательно дается свежая, актуальная информация о раскопках в Польше, отчеты о научно-исследовательской и преподавательской деятельности кафедр классической и доисторической археологии университетов, данные о музеях и выставках, сообщения о жизни научных обществ и о конференциях. Здесь же находит место полемика авторов журнала с их рецензентами. Довольно широко дается особо выделенная информация о раскопках в славянских странах, в первую очередь в СССР. В этом же отделе значительно короче сообщается о деятельности археологов в странах древнего Востока, Греции и Рима, а также других странах.

* * *

О профиле «Археологии» и задачах, которые она перед собой ставит, лучше всего свидетельствует программное заявление «От редакции» (1, 5—6). Изложив кратко prospect журнала, редактор тома определяет археологию как «историю искусства и материальной культуры минувших эпох». Затем отмечается, что редакцию интересуют «памятники искусства и материальной культуры в неразрывной связи с обществом, создавшим эти памятники, с укладом хозяйственных, социальных и культурных сил, которые руководят каждым человеческим обществом». В дальнейшем подчеркивается роль «человеческого труда минувших эпох, обусловленного техническими, экономическими, социальными и умственными преобразованиями, труда, формирующего культурный облик каждого человеческого коллектива».

Надо отметить, что археологи буржуазной Польши не говорили таким языком. Подчеркивание значения труда как основного фактора в жизни человеческого общества, указание на необходимость изучения экономики, как базы развития общественной культуры, несмотря на ряд серьезных нечеткостей в отдельных формулировках, свидетельствуют о значительном прогрессе польских археологов и прежде всего самого

редактора журнала К. Маевского, который с 1939 по 1941 и с 1944 по 1945 г. работал во Львовском филиале Института археологии АН Укр. ССР и, как сам он неоднократно отмечает, очень многое воспринял из опыта советской науки.

Следует все же обратить внимание на ошибочное определение археологии как истории «искусства и материальной культуры». Формула эта не случайна. Она повторена и на титульной странице первого тома, она же фигурирует и в первой статье того же тома (стр. 7 и дальше). Вряд ли надо доказывать, что такое определение археологии является неправильным. Оно ориентирует на исследование в первую очередь объектов искусства, а не на изучение материальной культуры в целом. Искусство, являющееся частью материальной культуры в широком значении этого слова, совершенно неправильно выделяется из материальной культуры и до некоторой степени противопоставляется ей. Следует признать, что ошибочность указанной формулировки стала, повидимому, ясной для самого К. Маевского, так как она была снята с титульного листа II тома. Однако это было сделано молча, без указания на ошибочность определения предмета археологии, данного в первом томе.

Мы остановились столь подробно на обращении «От редакции» потому, что оно дает как бы программу действий журнала и, следовательно, всего Польского археологического общества.

Отделы статей и *miscellanea*, кстати, мало отличающиеся друг от друга, состоят из 18 трудов (в обоих томах вместе). В том числе напечатано шесть статей самого К. Маевского, три статьи Б. Билиньского и две статьи Э. Булянды. Учитывая, что и в других отделах значительная часть принадлежит перу тех же авторов, мы должны будем отметить некоторую аномальность такого положения вещей. Первоочередной задачей журнала является создание более широкого авторского коллектива, особенно привлечение молодых исследователей, хотя бы даже ценой некоторого временного снижения уровня статей. Однако, несмотря на узкий круг авторов, статьи читаются с большим вниманием и интересом. Указанное обстоятельство дает нам основание дать обзор статей «Археологии» по авторам.

Перу К. Маевского принадлежат следующие статьи: «Штудии над трипольской культурой» (I, 93—138), «Хронология и стиль западотрипольской фигурной пластики» (II, 1—16 + 7 табл.), «Культура полей погребений на Украине и проблема происхождения восточных славян» (II, 167—176), «Территория западных славян в свете импорта римских предметов» (I, 185—202), «Социально-политическая периодизация эгейской культуры» (I, 203—207) и «О некоторых так называемых сирийско-хеттских изделиях из бронзы» (I, 207—212). Таким образом, круг научных интересов автора охватывает три большие проблемы: западотрипольская культура, западные славяне в эпоху Римской империи и эгейская культура.

Первая из вышеуказанных статей посвящена поселениям трипольской культуры в верховьях Днестра и Прута; она состоит из двух больших частей: 1) обзора раскопок в этом районе и 2) анализа проблемы возникновения трипольской культуры. Маевский предлагает собственную хронологию трипольской культуры: ранне-, средне- и поздне-трипольский периоды, подразделяемые на три этапа каждый. РТ I синхронен периоду А по классификации Т. С. Пассек; РТ II=VI и РТ III=VII. Среднетрипольский (СТ) I—III соответствуют CI—γ I, и, наконец, неподразделяемый на этапы ПТ синхронен C II—γ II Т. С. Пассек. Автор отмечает автохтонность трипольской культуры, «обусловленную географическим положением и главной основой быта—земледелием, а равно вытекающим отсюда укладом хозяйственно-социальных отношений» (I, 133). «Создателями трипольской культуры были,— по мнению Маевского,— вероятнее всего, прафракийцы, ее влияние больше всего простиралось на праэллинов и восточные праславянские племена» (I, 137). Несмотря на то, что автор ограничивается от теорий миграций и заимствований, он все же сводит почти все новые элементы в развитии трипольской культуры, как употребление меди, окрашивание сосудов и силуэтную фигурную орнаментку носителей трипольской культуры, к заимствованиям, притом даже из Передней Азии. Маевский с большим уважением высказывается о достижениях советских археологов, работающих по Триполью, прежде всего об исследованиях Т. С. Пассек (I, 105 и *passim*).

Во второй статье о трипольской культуре Маевский, исходя из типологического анализа местной пластики, устанавливает относительную хронологию отдельных западнотрипольских поселений. Копируя наличие синхронных изделий двух различных типов — примитивно-схематического и натуралистического — в рамках одних и тех же поселений, Маевский склонен объяснить это явление различием в социально-экономических условиях быта населения. Очень большое, пожалуй, преувеличенное, влияние приписывается автором фессалийской культуре.

В статье «Культура полей погребений...» Маевский правильно и своевременно отмечает, что археологи всех славянских стран, усиленно занимающиеся общим вопросом об этногенезе славян, слабо связаны между собой и зачастую даже не информированы о достижениях ученых соседних народов. В качестве примера указывается на недостаточное знакомство польских археологов с успехами советских ученых. Для хотя бы частичного восполнения этого пробела автор излагает взгляды крупнейших советских археологов по вопросу о культуре полей погребений и об ее значении в этногенезе восточных славян.

Интересна принципиально новой, широкой постановкой вопроса четвертая из перечисленных выше статей. Эта статья представляет собой заключительную главу из большой работы «Предметы римского импорта на славянских землях в первых веках нашей эры». Выступая против распространенной среди археологов тенденции только инвентаризировать и классифицировать добытые предметы, в том числе и предметы римского импорта, Маевский настаивает на необходимости комплексного изучения материалов раскопок в сочетании с другими источниками. Предметы римского экспорта на западнославянских землях, рассматриваемые в связи с местными культурами, «не только отмечают торговые пути, не только дают во многих случаях возможность определить абсолютную хронологию поселений местных культур, но могут стать основой для социологической интерпретации этих поселений... и даже для выяснения военно-политических событий и этнических проблем» (I, 186). Широко используя картографический метод, Маевский составил 10 географических карт с нанесенными на них местами находок различных римских предметов. Особенно красноречивы карты №№ 5, 6 и 9, довольно четко определяющие восточные и западные границы трипольских племен.

Статьи о трипольской культуре и о предметах римского ввоза встретили резкую критику крупного польского археолога И. Костшевского (см. «Przegl. Archeol.», VIII, 1, 123—129). Подробный ответ Маевского своему рецензенту опубликован им в «Археологии», II, 436—445.

Статья, посвященная проблемам эгейской культуры, информирует польских читателей о довоенной дискуссии советских ученых по вопросу о крито-микенской культуре. Следует признать, что автор вполне прав, упрекая участников в сужении темы дискуссии. Действительно, во время дискуссии говорилось только о Кносском дворце XVII—XIV вв. и были оставлены в стороне как вопросы предыдущей истории Крита, так и внекритские центры эгейской культуры. Соглашаясь полностью с характеристикой критской культуры, данной проф. В. С. Сергеевым, Маевский частично восполняет пробел дискуссии составлением синхронной таблицы социально-экономического развития эгейских обществ в III—II тысячелетиях до н. э. К сожалению, в таблицу не включено развитие Трои, тесно связанной с эгейским миром. Серьезным недостатком таблицы является отсутствие в ней показателей технико-экономического развития эгейских обществ.

В последней статье Маевский устанавливает поддельность группы так называемых сирийско-хеттских изделий из бронзы, хранящихся в Краковском и Варшавском музеях.

В общем и целом следует отметить стремление Маевского к широким историческим обобщениям археологического материала.

Б. И л и н ь с к и й является автором трех больших статей в «Археологии»: «Пути древнего мира к славянским землям в свете античных литературных свидетельств» (I, 139—168), «Западная граница праславянских земель согласно Помпонию Меле» (II, 129—139) и, наконец, «За геродотов взгляд на античность; труд в древней Греции» (II, 31—103). Как видно, основной тематикой научных интересов автора является изу-

чение данных античных писателей о землях западных славян. Этой очень нужной и важной теме посвящены две статьи. В первой из них дан обзор высказываний Геродота и многочисленных римских авторов о польских землях. Геродот, по мнению Билиньского, отражает древнейший торговый путь античного мира на север, ведущий через Тиру по Днестру и его притокам, Западному Бугу и Висле в богатые янтарем прибалтийские земли. Многочисленные греческие монеты IV в. до н. э., найденные сравнительно недавно в Быдгоще, вблизи Балтийского побережья, свидетельствуют о контакте польских земель с Причерноморьем. Речь идет, понятно, только о посреднической торговле. Местом соприкосновения причерноморских торговцев с прибалтийскими должны были оказаться племена, живущие в пограничной лесной полосе. Таковыми автор считает геродотовых неуров, локализуемых им на территории Подолии и Волыни.

Впоследствии интерес к прибалтийским землям возобновляется только в результате римской экспансии. Автор отмечает, что уже Агриппа (по Плинию) мог правильно определить расстояние от излучины Дуная до устья Вислы. Торговый контакт с Прибалтикой по старому геродотовскому пути возобновляется во времена Траяна через Мёзию, что подтверждается массовыми находками римских монет от конца I по III в. н. э. в Тарнополе, Холме, Варшаве и Плоцке.

Подробно анализируются высказывания Птолемея о Сарматии и о венедах. В контроверзе между Плинием и Птолемеем о местонахождении венедев автор больше доверяет последнему и, следовательно, локализует венедев уже в I в. н. э. у устья Вислы. В птолемеевых *Σοβλωνες*, *герс. Воβλωνες*, III, 5, 8, которых следует локализовать на левом берегу Вислы (I, 165—166), Б. Билиньский усматривает имя полян. Методически очень важно замечание: «В зависимости от направления, с которого доходили известия к античному миру, в материалах Птолемея следует различать источники, различные не только в хронологическом аспекте, но и по направлению» (I, 167).

В исследовании о западной границе праславян Билиньский отмечает значение свидетельств древнейшего римского географа для определения границы между германскими и праславянскими племенами. Этой границей, как указывает автор, является район нижнего Одера, что находит свое подтверждение в археологических раскопках, свидетельствующих о распространении Оксидской культуры. Сфера распространения Оксидской культуры покрывается с границами Сарматии по Меле.

Третья статья Билиньского и по содержанию и по характеру резко отличается от обычных для рецензируемого журнала статей. Объем ее составляет 74 страницы, больше, чем все прочие статьи этого отдела вместе. Автор желал показать, как с течением времени изменялось у различных греческих авторов отношение к производительному труду, и дать материалистическое объяснение этого явления. Замысел вполне правильный и желательный, так как до войны польская интеллигенция воспитывалась в сугубо идеалистическом духе и марксистское объяснение основных вопросов экономической истории античной Греции принесет большую пользу читателям «Археологии». Билиньский хорошо знаком с источниками и с литературой предмета, ссылаясь на многие труды советских античников. К сожалению, статья в общем и целом носит не столько исследовательский, сколько научно-популярный характер. Быть может, этим объясняется некоторая модернизация античности. Это чувствуется уже в заголовке: ратовать за господов взгляд на античность вряд ли к лицу ученому народной Польши. Очень часто встречаются термины «шляхта» и «шляхетский» в применении к древности (II, 41, 60 и *passim*). Автор след за англо-американскими реакционерами ополчается против «деморализующих оплат Перикла», идеализирует Сократа (II, 63—65) и т. д. Основной вывод—древность не имела единого отношения к труду—относительно верный. Действительно, Гесиод по-иному относится к физическому труду, чем Платон; в Спарте это отношение было иным, чем в Коринфе. Необходимо также учитывать изменения во времени, в пространстве и в социальном положении источников. Однако античное мировоззрение в той форме, в какой оно дошло до нас, во всех отношениях было мировоззрением рабовладельцев и характеризуется пренебрежением к тяжелому физическому труду — уделу рабов. Об этом говорит неоднократно и Энгельс, цитируемый почему-то автором не по оригиналу, а по книге «История греческой литературы» (изд. АН

СССР, т. I, стр. 31). Вообще богатейшее наследие классиков марксизма все еще не в моде среди авторского коллектива «Археологии».

Две статьи: «Классическая археология» (I, 7—42) и «Новый памятник победы при Марафоне» (II, 105—116 + 1 табл.) — опубликовал проф. Э. Булянда. Первая из этих статей открывает первый том «Археологии» и, как таковая, задает в некоторой степени тон всему журналу. К сожалению, эта статья никак не соответствует общему направлению издания. Она писалась, как отмечает автор в августе 1943 г., и с тех пор, несмотря на исторические преобразования в Польше, автор, по лобзательным словам, ничего в ней не изменил. Мы говорили уже о неправильном определении археологии (см. выше, стр. 189). Следует добавить, что изложение истории археологии, занимающее основную часть статьи, автор почему-то прерывает на Винкельмане, в то время как с него, пожалуй, надо было бы начинать. Вся история археологии для автора сводится фактически только к изучению объектов античного искусства. Статья эта может только дезориентировать неопытного читателя.

Зато вторая статья того же автора очень интересна. Она представляет собой всесторонний анализ памятника, воздвигнутого в честь афинского полемарха Каллимаха после Марафонского сражения. Надпись на памятнике была восстановлена австрийским эпиграфистом А. Вильгельмом накануне второй мировой войны. Автор привлек данные литературной традиции о Марафоне и пришел к тому выводу, что основная заслуга принадлежит не Мильтиаду, а Каллимаху. Роль Мильтиада была искусственно раздута во времена Квисна. Небольшая, но очень интересная статья Булянды дает новую оценку внутриполитического положения Афин во время Марафонского сражения.

Из остальных семи статей различных авторов часть непосредственно прилпывает к основной тематике журнала. К ним принадлежит прежде всего небольшая, но интересная статья А. Н а ш а «Венеда у Тацита и Птолемея» (II, 177—184). Эта работа тесно связана с одной из рецензируемых статей Билиньского, занимавшегося той же проблемой. Ставя вопрос об источниках Тацита и Птолемея в их сообщениях о венедах, автор склонен полагать, что первый пользовался более древним источником, чем второй.

Связующим звеном между кругом научных интересов Маевского и Билиньского является вторичная публикация одной старой находки «Бронзовая котанная ручка из Мышкова», предпринятая Д. Л ю с т г а у с о м (I, 162—184 + 2 табл.). Это древнейшее римское изделие на Западной Украине должно тем более заинтересовать советских археологов, что оно было найдено на территории Западной Украины и хранится во Львовском музее. Согласно тексту надписи, ручка была посвящена Юпитеру Долихену помощником центуриона (optio) I испанской когорты. Первоиздатели ручки Деметрикевич и Зингерле в 1904 г. считали, что данная находка свидетельствует о более или менее длительном пребывании римских войск в районе севернее Карпат. Люстгаус, исходя из того, что ручка является уникальным римским изделием II в. на территории Западной Украины, полагает, что она, повидимому, представляет один из трофеев, захваченных костобоками в Дакии в 166—171 гг. Возможен также случайный импорт данной ручки. Основная часть статьи носит искусствоведческий характер.

Интересна и актуальна обстоятельная статья К. Булянда, «Археологические открытия в Италии за последнее десятилетие (1938—1949)» (II, 139—164 + 11 табл.). Автор является руководителем научной станции Польской академии наук в Риме и компетентно, de visu, информирует читателей «Археологии» о последних раскопках в Италии. В статью включены данные не только из итальянской печати, но и из последних докладов римских археологов. Основная часть статьи, как и следовало ожидать, посвящена раскопкам в Риме. Очень интересны сообщения о находках в Остии, в частности о древнейшем на территории Италии (I в. н. э.) изображении Митры. Статья богато иллюстрирована фотокопиями находок.

С вниманием читается работа двух авторов: — З м и г р и д е р - К о н о п к и и Б е ж у н ь с к о й - М а л о в и с т «Человек с головой осла на *buscherio* из Палермо» (II, 119—125 + 1 табл.), являющаяся продолжением исследования тех же авторов «Италийский Марсий» («Przegl. klas.», 1939, 515 сл.). Отправляясь от искусствоведческого анализа указанного в заглавии памятника, авторы отмечают распростра-

нение культа осла, гесп. ослиной головы, в верованиях этрусков и приписывают ему апотропаическое значение. Культ этот восходит, по мнению авторов, к эгейской культуре и находит многочисленные аналогии в странах Востока, в частности, в Египте и Сирии.

Статья Ю. Кульчицкого «Праформы мебели на территории Европы» (I, 43—91 + 13 табл.) представляет собой плановую работу автора в Львовском филиале Института археологии АН УССР за 1945—1946 гг. Автор изучает древнейшие формы стула, стола, ложа, ящика и т. д., иллюстрируя свои положения многочисленными аналогиями между эгейской и, в основном, северноевропейской мебелью. Кульчицкий считает, что существовали «общие схемы «праформ» для определенной степени развития техники и культуры на территориях, располагающих лесом, в климате, требующем изоляции от сырой и холодной земли» (стр. 86—87).

Указанная статья вызвала «Замечания на полях работы Кульчицкого» Р. Рейнфуса (II, 185—195 + 2 табл.). Редакция «Археологии» обещает продолжить полемику этих двух авторов в III томе.

Статья Ю. Пилецкого «Многообразная (wielopostaciowa) концепция зверей в эгейской культуре» (II, 17—30 + 3 табл.) посвящена искусствоведческому разбору образов грифа и сфинкса в микенской и критской культуре. Несмотря на некоторые попытки встать на путь социального анализа, автор все же стоит на сугубо формалистических позициях, пространно противопоставляя «мужской» характер изображений в Микенах «женскому» характеру критян. Вся статья в целом резко отличается от общего характера журнала и значительно снижает его идейный уровень.

Таково содержание двух главных отделов обоих томов «Археологии». Следует признать, что, несмотря на очень ограниченный авторский коллектив, содержание этих отделов довольно разнообразно и читается с интересом. Вместе с тем редактору удалось выделить узловые, ведущие темы исследований не только для журнала, но и для польской археологии в целом. Основное, по видимому, по его инициативе Польское археологическое общество ведет пропаганду за создание по образцу советского ИИМК АН СССР польского государственного археологического института, который взял бы на себя руководство работой археологов в общепольском масштабе. Маевский усиленно выдвигает идею создания на общепольской археологической конференции шестилетнего плана археологических работ и исследований, причем в качестве узловых тем плана, разработка которых должна вестись коллективными путем, он выдвигает три проблемы: 1) римское влияние на славянские земли; 2) материальная культура древнего мира в социологическом аспекте и 3) публикация хотя бы части памятников античности из польских собраний. Как мы видели, большинство статей первых двух томов тесно связано с соответствующими пунктами проекта шестилетнего плана.

Судя по материалам отделов критики и хроники, инициаторы создания Государственного археологического института надеются на значительное улучшение подготовки к печати и научной критики трудов, издаваемых по археологии (II, 218 сл.). И в этой области Маевский считает необходимым перенять советский опыт; он предлагает, чтобы научные труды печатались только после их предварительного обсуждения научной общественностью, при условии, что работа будет исправлена автором и вторично обсуждена перед сдачей книги в печать. Действительно, вопросы научной критики очень актуальны для польских археологов. Как мы отмечали выше (стр. 180), критика очень слабо поставлена даже в самой «Археологии». Отдел критики фактически является отделом информации. При том, что политически особенно важно, не ведется никакой работы ни по разоблачению англо-американских реакционных археологов, ни по критическому рассмотрению наследия польской буржуазной археологии. Немногочисленные критические рецензии в «Археологии» относятся исключительно к немецко-фашистской литературе. Это, повторяем, наиболее уязвимая сторона журнала.

Весьма положительно расцениваем мы тот факт, что археологи народно-демократической Польши, поскольку можно об этом судить на основании двух томов журнала, не замыкаются в вещеведении, а ставят широкие исторические проблемы и комплексно используют подъемный материал в сочетании с данными других вспомогательных исто-

рических дисциплин. Поворот лицом к социальной стороне исторических явлений, «социологический метод», как его не совсем точно называет Маевский, — залог дальнейших успехов польских археологов.

В заключение — это самое важное — пожелаем нашим польским товарищам более внимательно и, главное, основательно изучать произведения Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина. Только овладение теорией марксизма-ленинизма — залог правильного пути и успехов в любой отрасли науки, в том числе и в археологии.

Я. А. Ленцман

ВОПРОСЫ ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ В БОЛГАРСКИХ ЖУРНАЛАХ

Болгарская историческая наука уделяет значительное внимание вопросам древней истории. Ведущий исторический журнал «Исторически преглед» почти в каждом номере помещает статьи по первобытной и античной истории Болгарии, публикует рецензии на книги болгарских, советских и других историков по вопросам антиковедения. Большое место статьям по древней истории уделено в ежегоднике Софийского университета, в трудах историко-филологического факультета которого регулярно помещаются исследования, связанные с древним периодом истории Болгарии. Весьма ценным изданием являются «Известия Болгарского археологического института», где помещаются статьи не только по древнеболгарской и античной археологии, но и по истории¹. Нередко исследования по античной истории помещают в своих ежегодниках Болгарский библиографический институт и Болгарское историческое общество. В последние два года начали выходить в свет специальные издания двух крупнейших музеев Болгарии — Народного археологического музея в Софии и Народного археологического музея в Пловдиве, где помещаются публикации и исследования материалов новейших раскопок в Болгарии.

Исторически преглед, година четвърта, 1947—1948²

Хр. М. Д а н о в, *Към материалната култура на тракийците презликовата епоха*, кн. I, стр. 15—21. Автор ставит перед собой задачу осветить один из наиболее темных периодов в истории фракийцев, охватывающий время с конца IX до середины V в. до н. э. Археологические свидетельства об этом периоде до сих пор еще отсутствуют, а античная историческая традиция очень противоречива. В то время как гомеровский эпос описывает фракийцев X—VIII вв. как народ, материальная культура которого находится на одинаковом уровне с материальной культурой греков того времени, Геродот и Фукидид подчеркивают низкий уровень развития экономики и духовной культуры фракийских племен V в. до н. э.

В исторической литературе был сделан ряд попыток объяснить эти противоречивые известия теми ударами, которые местная культура должна была понести вследствие нашествия фригийско-мизийских племен. Данов подвергает сомнению достоверность сведений Гомера о фракийцах и предлагает новое объяснение этого противоречия. Он указывает, во-первых, что гомеровский эпос изображает не фракийские племена в целом, а лишь их вождей, героев, материальное состояние которых не характерно для рядовых фракийцев. Во-вторых, он подчеркивает, что Гомер знает лишь прибрежных фракийцев, находившихся под сильным воздействием микенской культуры и отличавшихся от остальной массы их, жившей на север от Родопских гор.

Чрезвычайно интересная проблема, поставленная в статье Данова, скорее должна быть решена в свете второго положения автора, указывающего на резкую разницу в уровне развития прибрежных фракийцев и фракийцев внутренней территории. Первое же и основное утверждение автора неизбежно наталкивается на то возражение, что и

¹ См. ВДИ, 1947, № 2, стр. 94—98.

² Обзор статей по античности, помещенных в журнале «Исторически преглед» за 1946—1947 гг., см. ВДИ, 1948, № 2, стр. 107—108.